

КУЛЬТУРА СОЦИАЛИЗМА

ПОД испытанным знаменем Маркса—Энгельса—Ленина, руководимая партией большевиков и ее ленинским ЦК, во главе с т. Сталиным, между XVI и XVII Октябрем страна продолжала свой победный путь. Новые богатства, разведанные в ее недрах, новые производственные гиганты, машинно-тракторные станции, железные пути значительно увеличили производительные силы нашей великой родины, что не могло не сказаться на благосостоянии широчайших масс трудящихся. Героический труд составляет содержание нашей жизни в каждой точке страны. Пафос строительства дополняется пафосом освоения, как этому учит вождь трудящихся всего мира т. Сталин. С неперехватимой очевидностью обнаружилось в истекшем году, какие блестящие условия созданы у нас для роста личности, какие замечательные возможности предоставляет наша великая родина верным своим сынам.

Бурный рост новой интеллигенции, рядом со старшим поколением мастеров науки, искусства и техники, самоотверженно и преданно строящих величайшую по величью и глубине культуру социализма; героическая эпопея чекистцев, продемонстрировавшая перед лицом всего мира, что героизм стал будничным стилем нашей работы; замечательно, что история как бы позаботилась немедля показать, каковы плоды этого героизма и несгибаемой настойчивости большевиков. Вскоре после гибели «Челюскина» «Литке», впервые в истории поларного мореплавания, успешно завершена поход от Владивостока до Мурманска. Огромно количество талантов из народа, которых «духна, давила, млял капитализм» и которые ныне, освобожденные от его члети, расцветают с невиданной пышностью.

Гигантские победы одержаны нами за год на фронте культуры. В историю литературы социализма не только нашей страны, но и всего мира войдет как важнейшая дата, первый съезд советских писателей. Тот мощный отклик, который нашел он в широчайших слоях трудящихся, показал, сколь безгранично число наших читателей и в какой мере олицетворяет они литературу своим кровным делом. Нельзя не отметить, что советская литература, наша страна, как это с полной очевидностью выяснилось на съезде, стала притягательным пунктом не только для всех революционных писателей мира, но и для тех буржуазных писателей, у которых хватает честности для того, чтобы видеть, какие неслыханные бедствия снова готовит капитализм человечеству, до какого марша и загнивания довел он культуру и сколь разительно противопоставлена всему этому советская действительность. Москва — полянная культурная столица мира.

И наши гости поняли это, как гласует на их высказываниях, опубликованных после съезда за рубежом. Все и у себя они видели литературу, писателей, бедности, жизни, а также настоящего мастера, ибо possible возможно на пути, никак не ведущий, но наша молодая и далеко еще не зрелая литература была в движении, в напряжении, в поисках, все на службе единственно великим целям. Если у них умрает поэзия, то в Советском союзе поэзия для молодежи, также широких читательских кругов — предмет первой необходимости, ибо великим целям, сильным чувствам стихи нужны как воздух, как хлеб. Если у них почти нет спроса на классиков, то в Советском союзе мастера литературы прошлого становятся как нигде и никогда раньше достойным миллионам. Мир не знал таких гитарей, какие обычны у нас, но и этих гитарей не хватает.

Не менее показательные итоги имеем мы и в области театра. Советский театр, как это признано всеми, первый театр в мире. Замечательное мастерство советских актеров, разнообразие творческих стилей, расширение драматургических жанров, в частности победно ворвавшиеся на сцену радость, молодость, смех, — все это отразило в искусстве общие наши победы. Наше кино получило блестящую оценку на недавно закончившейся выставке кинематографии в Венеции. Результаты прихода писателей в кино еще вперед, но уже можно подвести первые обнадеживающие итоги. Наша живопись, скульптура, музыка шагают в ногу со всем фронтом искусства.

Невиданной грандиозности задачи ставит бурный рост страны перед архитектурой. И советские зодчие в жарком творческом напряжении все ближе и ближе подходят к созданию своего советского стиля. Замечательные итоги имеем мы и в области науки. Здесь истекший год принес нам переизд Академия в Москве, знаменующий еще большее приближение науки к практике социалистического строительства. Наша школа в корне изменила метод преподавания о том, чтобы снабдить будущих строителей социализма знаниями фундаментальными и глубокими...

Но не пафос успокоенности, пафос недовольства владеет мастерами культуры в нашей стране. Ибо так грандиозны задачи, так величественны победы, что избыток мощности и звучности должны быть песни, сложенные в честь их. Искусство должно помочь познать нашу действительность и достойно воспеть ее. Еще не создан подлинный образ героя нашего времени, который мог бы стать образцом, зажгавшим возбуждать желание идти по тому же пути. Но не только пафосом познания и познанием пафоса живет советская литература, советское искусство. Мы завоевываем нашу солнечную будущность в борьбе. Еще силен враг за рубежом и не добит в нашей стране. Тут искусство становится острым, разящим оружием.

Все новые и новые победы одерживает руководимая славной коммунистической партией наша великая родина. И каждая из этих побед даст материал для многих замечательных произведений, настоятельно требует создания их.

И эти произведения будут созданы. Залогом этому то, что наше искусство, наша литература, как и вся страна, находится под руководством великой испытанной в боях коммунистической партии и ее вождя т. Сталина. Писатели, художники, мастера культуры окружены в нашей стране величайшим вниманием и заботливостью. Вдохновляемые делами партии, делами страны, руководимые партией, овладевая методом социалистического реализма, они создадут эти произведения, эти шедевры социалистического искусства.

ДА ЗДРАВСТВУЮТ РАБОТНИКИ НАУКИ И ТЕХНИКИ, ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ ИДУЩИЕ РУКА ОБ РУКУ С РАБОЧИМ КЛАССОМ В ВЕЛИКОМ ДЕЛЕ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА И УСИЛЕНИЯ ОБОРОНЫ НАШЕЙ РОДИНЫ!

ОКТАБРЬСКАЯ МОСКВА

ТЕАТР

КИНО

* В октябрьские дни Камерным театром будут показаны «Вершины счастья» для рабочих завода № 20, «Машинная» для метростроителей и рабочих фабрики Ливер и «Оптимистическая трагедия» — для строителей.

* Малый театр покажет в октябрьские дни для ударников завода № 37, «Авантюризм» и метростроителей шахты № 12 следующие спектакли: «Бойцы», «Бешеные деньги», «Станан воды» и «Любовь Яровая».

* Ряд спектаклей покажет в октябрьские дни МХАТ им. Горького: заводу «Геофизика» — «Мертвые души», ударникам завода им. Авиационного «Страх», метростроителям шахты № 10-11 — «Хлеб» и коллективу завода им. Бойтовича — «Таняны и попознички».

* 3 ноября в клубе Савеловской ж. д. состоялся вечер смеха рабочих железнодорожников с артистами Большого театра. На вечере был заключен договор о взаимном шефстве.

* МХТ II ставит в октябрьские дни «Часовщина и кирицу», «Смерть Иоанна Грозного» и «Двенадцатую ночь». Спектакли эти будут показаны участникам торжественного пленума Бюро ЦК ВЦИК, в котором участвуют представители рабочих завода революверных станков и ударникам Электропрома.

* Театр им. Вахтангова покажет ударникам шахты метро № 21, 216не в студентах Промакадемии — «Егера Булычева» и рабочим «Паржской коммун» — «Интервизию».

* Театр им. Станиславского покажет рабочим Электролампового завода и Теплоэлектростанции «Бориса Годунова», театр им. Немировича-Данченко покажет слушателям Военно-технической академии — «Трибунал Исайлову».

Ударники завода им. Кагановича смотрят «Лес» в театре Мейерхольда.

* Союзкинохроника занимает октябрьские торжества в Москве. Рек. Подгорная уже приступила к съемкам звукового киночерка «Москва в Октябре». Кроме текущего материала сюда войдут своеобразные «воспоминания» — звуковые кинокадры о баррикадах и боях 1917 г. в Москве.

* Режиссеры Сеткина и Копалин работают над съемкой немой кинохроники октябрьских праздников. Парад на Красной площади снимает завтра свыше 20 операторов. Каждый оператор прикреплен к определенной точке площади: на крыльце Исторического музея, на Лобном месте, на мавзолее, под аркой ГУМ и т. д.

* Кинохроника будет отснята все районы Москвы. Значительный материал войдет в текущие номера Союзкиножурналов звуковой и немой, в киножурналы «Социалистическая деревня», «На страже СССР».

* Во всех кинотеатрах, а также на экранах, установленных на площади, сегодня и завтра демонстрируются выданные специально к праздникам номера киножурналов.

* Фабрика звукозаписи Всесоюзного Радиокомитета заснимет на радиоиздачу парад на Красной площади, речь т. Ворошилова и праздничные демонстрации. В тот же день ветером фильм будет переиздаваться по радио.

* 7 ноября в течение дня будут переиздаваться записанные на пленку выступления зарубежных друзей и знающих людей Советского союза — Ари Барбоса, героя летчика М. Водопольнова, парашютистки Нины Камковой и др.

РАДИО

**ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВЕЛИКОЕ И НЕПОБЕДИМОЕ ЗНАМЯ
МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА!
ПЛАМЕННЫЙ ПРИВЕТ ЛЮБИМОМУ ВОЖДЮ ТРУДЯЩИХСЯ
ВСЕГО МИРА ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ!**

Сулейман СТАЛЬСКИЙ

НАША ВЛАСТЬ

Предатель советской страны
Не любит рабочую власть,
Поэтому крепче должны
Беречь мы советскую власть.

Ее, как из бездн морской,
Мы вырвали твердой рукой.
И, сбросивши гнет веновой,
Как вышка, стоит наша власть.

Рабочий, запомни: не зря
Ты пулю скинул царя,
И крепость твою, как зоря,
Одела советская власть.

Как лев, теперь наждаый бедняк
Дерется за ленинский флаг.
На место поставлен кулак,
Крепка, как Шах-Дар, наша власть.

Цветет государственный сад,
В нем разный растет виноград,
Врагам он отравы и яд,
Друзьям исцеленье и власть.

За эти вот несколько лет
Лишений изгладился след,
И входит бедняк в сельсовет,
Свое там находит он власть.

Был бос Сулейман и раздет,
А нынче он славный поэт.
Нам Ленин, как лучший завет,
Оставил советскую власть.

ЛУИ АРАГОН

Февраль

О Т Р Ы В О К

Охотничьи, стервятники, акулы,
жучки, лампасы,
куты, седеки, душки баритоны,
мурухи, принцы, члены Жипе,
Круа де фэ, маркизы, сводни,
фараоны в блузах, фараоны в кителях,
лилии Бурбонов, жемчуга, пропойца,
мразь, проститутка, лжевидитель,
спянки общества, бульварные отбросы, цвет ко-
тонок,
шлики, патриот, доношчик,
промышленник, бой-скаут, торговец кокаином,
муниципальный гласный и военный в штатском
попукт трехцветное знамя.

Коту не хватает на жизнь,
Не знаешь, на что играть. И так
теряешь и здак.
Монмартр пуст.
И дороги лошади в Мезон Лафит.
Отчаянное положение на курортах.
Единственно,
что кормит, — марафет.
И то еще!

Американец редкий гость на пляже.
Дипломатические штаты переполнены.
Брак не обеспечивает мужчину.
Франция, пропись!

Волоки трехцветное знамя.
Париж, Париж-Вебер и конских ристалищ,
Париж сиротских домов и благотворительных базаров,

Париж-Лалик и Картье, Париж-шик,
Париж — «Весь Париж», Париж-Шабане,
Париж — «Парижская жизнь», настоящий Па-
риж,
веселящий Париж, Париж-пляж, Париж-игрок,
Париж-шантан, ночной Париж,
Париж-Казино, Париж-сад,
Париж-сумасброд, Париж-страсть, Париж-грёза,
парижские пассажи, дома свидания
парижские,
изделья, мелочи Парижа, — «Париж, мадам!» —
вполнит свое трехцветное знамя.
Париж плывет розовым огнем под шимми фа-
шизма.

Вспыхивают автобусы то тут, то там.
Открытые киоски кровоточат газетами.
Скорая помощь
урча строчит обезумевшие топы.
Старцы на перекрестках трясут
сединами героизма.
Брильянты облокотились на дверцы ролпса.
У испорченных витрин
перчатки фантази крадут ботинки.

Елопне
летняя погода. Держ пари,
что это чудно для торговли роскошью,
подобный вечер.
Бодриши удар хлыста для моды. Ну-ка,
волоки свое трехцветное знамя.

Ах, это наш Париж, тот, военный,
который лел «Мадон» и носил
полицейскую каску. «Пристава —

славная братва...»
Полиция, —
она за нас.
Полиция шла на смерть, вы помните, в войну.
Полиция —
французский идеал,
кладешь
французский качеств, франкской правды,
франкской валюты,
О, эти плюмажи, плюмажи Парижа. Осторожно!
Смотри, в чем ты
волочешь свое трехцветное знамя.

Но
чем разодран город надвое,
какой эскресс промчался поперек
патристического лупанария-гиганта
разгневаным смычком по скрипке?
Что значит
эта красная черта, и пламя новое, и крики
от Шатле до Этуаль,
этот удар кулаком
под вздох гуляном,
этот диссонанс
поверх созвучия истерии и «Марсельезы».
Что за пламя во главе процессий,
от которого бледнеют ваши головы?
И вдруг — все, что пылает, только отблеск крас-
ного флага...

Советы везде! Советы везде!
Советы везде!
В грязь трехцветное знамя!

Перевел О. М. БРИК

С. КУЛИБАН

Медь

Живет в магните
Беловая сила,
Железо
Он тревожит и манит.
Но что
Всю жизнь меня сюда манило,
Какая сила
И какой магнит?
Услышь меня!
День ото дня чудесней
И ярче жизнь.
А молодость гремит,—
В ее руках
Звезда высокой песни,
Как пламя путеводное
Горит.
Пою—
Но нет
В крови огня былого
И в пальцах — лед:
А прежде горячо
Мне руки жгло
Обугленным словом,
И песни хочет пламени
Еще.

Огню пристало
Биться под струною—
Да будет креще времени
Поновою
И песню перестрою—
Так в глубь горы
Меня вела струна,
И сердце просит:
— Я бы здесь остался.
Но пошатнулись
Горные столпы,
И тишина,
Как скорюпа,
Распалась,
И выпал взрыв
Из этой скорюпы.

Вылетает бесформенною грудой
Та песня,
Что измучила меня,
И день прошел,
И вечер был—
Как чудо:
Мы выкрикнули флаги
Из огня.

И — расширяй штрени понемногу,
Глухие губы
Надвое дела,
Пропадала
Подземную дорогу
Чуть сладковатый
Запах фитиля,
И вкус какао
Набавивший запах
Напомнил.
Он проник в гранит,
И черной щебень,
В напряженных папах
Держал
Освобожденный динамит
Вот я стою
У нового забоя.
Я не могу
Остаться навсегда.
Уходит время —
И теперь с тобою
Мы расстанемся,
Медная руда,
Твой древний жар
Тампли в недрах ночи,
Но люди шли
Наперерог судьбе:
В мои ладоны
Положил рабочий
Огонь ста сощип,
Что закличен
В тебе.

Пока багда звенит,
Бросаясь в прорубь—
В могилу оксидированную твою—
Твой свет и жар
Я собираю в корб,
Твоим огнем
Я песню напою.
И песня будет
Средоточьем гула
Бездонного подземного пути,
Где пламя взрыва
Стены пописуло
И эхо
Свобды начало грести.
Я из омы
Пришедших в горы эти,
На песню песней отважвших мня,
Дробивших мрак
При желтоватом свете
Шактерских ламп
На страшной глубине.
Я из семьи
Толкавших вагонетки
Туда,
Где сверла
Разговор вели,
Один из тех,
Кто знает запах единой
Глухой утробы
Равной земли,
Кто расширял пределы кругозора
Лопатой цифр,
Кто землю осудил,
Присутствовал
При чтении приговора
И этот приговор
Осуществил.
И слышал я,
Как верещали сверла
И колошались в печени земли.
И ступен вышел
Из земного горла—
И рану
Идом пламени
Прижиги.
Вращались громыах,
Буробани,
По тросу гул бежал,
Как по струне,
Наполнились подземной кровью
Жены,

И медь,
Горя,
Очищаясь в огне.
Да будет песня
Пламени и свету
Во всем подобна.
Взрыв гремит вдали
Сверло жужжит.
— Возьми же песню эту,
Как взяли мы
Последний жар земли.
Перевел в башкирского
АРСЕНИЙ ТАРНОВСКИЙ.

Ал. Малышкин

Выход в мир

КАК Я РАБОТАЛ В МОССОВЕТЕ

Когда в феврале 1931 г. я впервые пришел в Моссовет как депутат, прежде всего нужно было определиться: выбрать секцию, в которой работать.

Зал был уставлен множеством столбиков с плакатами, на которых значились названия секций. Опытные люди сидели, приглашали к себе, инструкторов. Я выбрал транспортную. Почему? Транспорт считается в то время наиболее «чужим» местом в народном хозяйстве. Хотелось работать там, где было действительное, интересное, где ближе всего работа соприкасается с пятилеткой. Тут мне помог также советом только что сложивший свои депутатские полномочия Т. Отнев.

Я стал работать в строительном секторе транспортной секции. Детальнее в бригаде Северных ж. д. строительного сектора.

Началось с учебы. В МИИТ (Московский институт инженеров транспорта) профессора прочитали нам, депутатам, цикл специальных лекций по эксплуатации ж. д. и железнодорожному хозяйству. Только после этого нас направили на конкретную работу.

В самом начале бригада наша приключилась к постройке электрической ж. д., которая удлинялась от Мытища до Загорска (теперь, как известно, она построена). Депутаты наблюдали за продолжением работ, за постройкой, учитывали недостатки на местах тех или иных материалов, «нажимали» в соответствующих учреждениях для скорейшей доставки этих материалов и т. п.

В следующие годы бригада взяла под наблюдение ряд других строительных объектов по Северным ж. д. Мне пришлось вести работу в районе ст. Бескудниково. Строительство развернулось широко. Строились жилые дома для рабочих и служащих, барак для сезонников, помещения для отдыха кондукторов, проводились новые железнодорожные ветки. В обязанности депутата входила забота о плане и своевременном завершении всех этих работ вплоть до постройки урбонной в два очка.

В текущем году, когда бригада наша несколько поделала, мне пришлось иметь дело с Московской-Третьей в пешом. Строительство включало в себя много серьезных объектов, в большинстве законченных в срок. Часть работ, однако, запаздывала ввиду нехватки цемента, стекла и прочих материалов. Обнаружились некоторые неясности в работе дирекции Северных ж. д. и прорабской комиссии. Обо всем этом бригада поставила в известность секцию.

Должен откровенно сказать, что частые отлучки из Москвы, вежеские поездки и литературные занятия не всегда давали мне возможность активно выполнять депутатские обязанности. По мере сил, однако, я работал.

Помимо регулярной бригадной работы депутаты широко полагались в ударных кампаниях. Особенно памятна осень 1931 г., когда производилась «авральная» разгрузка овощей для Москвы. Меня привлекали тогда к Бридному вокзалу. Составы с картофелем приходили один за другим, забивали дорогу. Путем обычной разгрузки — из вагонов на грузовики — с этим изобилием справиться было невозможно. Решали механизировать разгрузку.

В несколько дней под наблюдением депутатов на крупнейшей товарной станции были установлены сильные транспортеры. По ленте транспортера картофель летел вверх в тесовые отсеки, грузовики подвезали снизу под днища отсеков и нагружались в две-три минуты. В те дни секция походила на военный штаб. Мы дежурили поменно у транспортера дном и вечерами. Из пактаузов, из вагонов шел яблочный дух. Москву завалили картофелем. Его развозили в районы и через подвальные окошки по деревянным желобам сносили под жилые дома. Все подвалы в районах были заранее обследованы и отсортированы теми же депутатами и секционерами.

На Киевском вокзале мы вскрыли совершенно туляганское отношение некоторых разгрузочных артелей к своему делу. В овощехранилищах (например, для капусты) для ускорения разгрузки делали специальные скаты из досок. Под покровом полумечоты и палася, очевидно, на отсутствие «хозяйского глаза» грузчики швыряли капусту вниз неза-

но — с размаха, как попало. Листья разрывались, летели во все стороны, и вместо кочана до овощей ни капли докатывалась почти одна кочерыжка... Овощи погнибли. Мы добились вмешательства администрации и ТЮПУ. Безобразия были прекращены.

Дежурия на товарных путях, депутаты открыли там немало беспризорного, залежавшегося груза. Мешками валялись и разрушались под дождем и снегом сельскохозяйственные орудия, части машин, строительный материал и т. п. Это ставилось на вид станции администрации, разсылались акты и привлеклись к ответственности адресаты. Потом это дело развернулось в специальную кампанию по разгрузке товарных станций и по борьбе с простоем вагонов. Тут вскрылись совершенно анекдотические факты. Одно советское торговое учреждение, например, срочно послало заказ по Франции через посольство относительно того, какие сорта паженой икры там предпочтительно требуются. Образцы икры тотчас же были высланы. От Парижа до Берлина их везли на самолете, от Берлина до границы на экспрессе. По прибытии в Москву они пролежали на станции восемь суток.

Депутаты, контролируя работу станций, жестоко били по такой косности.

Секция провела 22 субботника. Особенно грандиозные размеры приняла в Москве «всесоюзный день метлы и швабры» весной 1933 г. Он дал государствену свыше 1,5 млн. рабочих часов. Московские станции были очищены от сотен тонн железного лома. Были отремонтированы десятки вагонов и восемь паровозов. С утра подкатывали к вокзалам трамваи, наполненные вузовцами и рабочими. Участвовало 34000 чел. Наша бригада работала на Казанке. В депо и на путях необычные, почти праздничное многолюдье. Там, где только что бурдели рылые, грязные холмы всяких отрослов, шлака, угля, открывалась светлая ровень: очищенные места депутата посылали желтым песком. На путях становилось чисто и уютно... Мы работали пох стеной тепа, открытая сваеванный здесь, смерзшийся уголь. Направо от меня орудовал киркой профессор МИИТ Жеблянов, налево рабочий-маляр Казаринов, мой товарищи по бригаде, теперь уже умершие. Мы уносили с субботника воспоминание о нескольких тоннах развороченного и убранный уголь и чувство мускульно-морального удовлетворения.

Второй столь же памятный и многолюдный субботник состоялся на ст. Митыково (Совельники). Никогда в жизни не видел я такой гомерический гора, а ведь станция находится в самой Москве. На огромном товарном дворе вместо дорог развалились грязевые топи ртутного цвета, по которым можно было плыть на лодке. К складам надо пробираться по железным, опасным помостам. Между путей хаотически свален разный груз. Здесь за дело взялась опять вузовская и рабочая Москва. На долю депутатов выпала, главным образом, организационная роль. Ст. Митыково тоже была приведена в надлежащий вид.

Чтобы товарищи уяснили себе размах деятельности секции, попутно укажу здесь другие ее работы:

Борьба за оздоровление вагонного и паркового хозяйства.

Три конкурса на лучшую товарную станцию.

Обследование ж. д. билетных касс. Тут выявлено немало злоупотреблений, случаев обета пассажирами, взысканности. Уличенные сняты с работы и отданы под суд. Реорганизована самая система ж. д. касс.

Конкурс между вокзалами на лучшее обслуживание пассажиров. На первое место вышел Северный. Саратовскому вокзалу вручено рогонное знамя.

Меры для улучшения культурно-бытового обслуживания железнодорожников. Тут в частности мы обследовали путевые будки (те самые, из которых навстречу поезду выходит железнодорожник с зеленым флагом). Обследование дало интересный материал.

Вот главнейшие из наказов, выполненные секцией:

- ликвидация очереди у ж. д. касс, путем переноса продажи билетов непосредственно на заводы и фабрики; понижение преездного тарифа для рабочих, уезжающих в отпуск; льготный проезд для детей; проведение электрической ж. д. до ст. Болшево.

Нельзя при этом умолчать и о наших промахах и недостатках. Прежде всего (это касается и нас, писателей депутатов) недостаточной была связь депутатов с депутатскими группами на местах. А у нас так и не создалось депутатской группы. Толквали мы об этом с В. Инбер (депутат райсовета), но конкретно не успели ничего сделать.

Не было контроля выполнения наших предложений.

Плохо развернуто было сотрудничество между депутатами и секционерами.

Наконец, в чем особенно повинен и пишуший эти строки, слабо работала наша стенгазета «Гудок секционера». Пытался я кое-что сделать, но, очевидно, недостаточно энергично. Больше тануло на вокзалах, на стройке. Считаю совершенно справедливым в этом отношении недовольство моих избирателей.

Что мы, депутаты, сделали для своей писательской организации? Тут дело сводилось чаще всего к представительству в разных делегациях, имевших в виду удовлетворение той или иной писательской нужды: хлопоты о стройматериалах для дома, о жилищном обслуживании, о грузовике для казательства и т. п.

И надо ли говорить о том, как много нам, литературным работникам, даало это трехлетнее постоянное общение с лучшими из лучших представителей московского пролетариата. Мысли члена Моссовета — это был «выход в мир», в свежую и неисказанную кипучую нашу действительность.

Я счастлив и горд тем, что работал в органе пролетарской диктатуры в исторические годы — в эпоху двух первых пятилеток.

Лучшим нам на смену новым депутатам-литераторам с дружеской завистью желаю работать и больше и лучше.

Сулейман СТАЛЬСКИЙ

Воспитание

Затеть мелкий разговор
В кругу друзей не хорошо.
Слова ненужные, как сор,
Ронять, мой друг, не хорошо.
Ты по лобному пустыню
Не доверяйся языку.
Открыл глаза — будь начену,
Бесечно спать не хорошо.
Смотри, ударить в грязь лицом
Перед чужим не смей крыльцом.
Вперед, нававшиеся хребцом,
Трусливим быть не хорошо!
Не будь слепым, не будь глухим,
Холодным и замыслам людским.
Надуться важною и другим
И лопнуть вдару — не хорошо.
Того не вылетает года,
Кто самодуром был всегда.
Различные пользы и вреда
Не отличать не хорошо.
Зачем других ругаешь ты?
В садах их вытоптал цветы,
Сажашь зерна клеветы?
Ее сажать не хорошо.
Она найдет твои следы,
Она придет в твои сады.
И злая горечь леведы
Отравит их — не хорошо.
Не будь высокомерно горд,
Не выставляй спицею горб.
Визз головной не прыгай с гор,
Безумным быть не хорошо.
Послушай, бедный мой глупец,
Ты Сулейман, наконец,
Ловить и стричь чужих овец
В чужих стадах — не хорошо.

Перевел с лезгинского
Л. ЛАВРОВ.

Константин Паустовский

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ

В 1920 г. на берегах Марны появилась невиданная растительность. Бредяние недоумевали. Росла какая-то новая трава, цвели какие-то новые кустарники. Глубокие старики неудовольственно бурчали, что, кажется, такие растения росли здесь в давнишние времена, но старикам никто не верил. Из Парижа приехали ботаники. Они обошли поля, перелопачивали неважные кусты и загадки были решены. Тяжелые футляры снаряды выносились на поверхность земли семена растений, пролежавшие глубоко в почве сотни лет. На глубине для развития семян хватало воздуха. Снаряды дали им свет, солнце, воздух, дали все необходимое для прорастания и расцвета. Так родилась новая растительность.

Революция и первые годы социализма произвели такой же жестокий удар в сознании людей. Открылись новые пласты сознания, новые области восприятия. Переменялась самая сущность ощущений. Мир начал выглядеть иначе, как бы осененный новым пронизывающим светом.

Это относится не только к настоящему, но и к прошлому. При социализме все что создано величайшими писателями, философами и учеными всех времен, достигает полной выразительности и действует на людей с потрясающей силой. Разница восприятия раскрывает их в новом аспекте.

Переменялось восприятие природы, восприятие пейзажа. Унылое прошлое тяготело и над ним, мельчило его, не давало пейзажу свободного дыхания.

Недавно я ехал по Каме. Стояла ледяная и торькая осень. Деса осыпалась в зеленую воду, как грузы золотой и ржавой руды. Туманы лежали над торжественными песками, в их голубизне солнце загидало красные флаги на плато и серебряные крылья аэронавта, гудевшего в речной тишине.

Одну из пассажиров осматривая берега в бинокль. Это был пассажир-железничек и мистификатор. Он кричал: «Вон, смотрите, на берегу гудит толстый генерал, вы разве не видите, как сверкает его дымомаси. Вон солнце блистает у него на ордене, — должно быть, это Владимир первой ступени. Рядом с ним генеральша в пенсне и с собачкой. А вон, дальше, едет мировой посредник в дворянской фуражке, а за ним в шубе крестный ход. Монахи ташат хоругви и отпихивают от чудотворной иконы грязных мужиков».

Над словами этого весельчака никто не смеялся. Его резко обобрали. Это было понятно. Чувство свободы, чувство эпохи преобразило в наших глазах пейзаж. Мы пришли к новому отношению к природе, наше время мменает ее, как мменает людей. Естественное, что некоторые из пассажиров обиделись за Каму. Ведь это была свободная река, она принадлежала нам, нашему новому восприятию мира, и никто не имел права населять ее образами купцов-самоу-

П И С А Т Е Л ь

1918 — 1919. Межпланетный пролетарий. 1920 — 1921. Кожаная куртка. 1922 — 1925. Цемент, цемент, цемент.

Е. ВЕЙСМАН

ПАНТАГРЮЭЛЬ УХОДИТ

В октябрьской книжке журнала «Новый ревю Франсе» некий журналист Жан Гренье скептически комментировал речь Карла Радека, произнесенную на съезде советских писателей.

Жан Гренье не верит нам, и слова Радека о том, что мы создадим литературу, превосходящую литературу Возрождения, вызывают у журналиста протесты: «Говорить так, возражает Гренье, — это значит слить вонючий котелок. Если выдумать и творить, то не всегда он творит красоту. Бессмысленно, что на крестовые походы, на Французская революция не выявила литературного движения, достояния эпохи».

Я не знаю г-на Гренье, но я вижу, вот сидит он у себя в рабочем кабинете... Это, может быть, хорошо обставленная комната, на книжных шкафах, высоких и полированных под красное дерево, стоят бронзовые бюсты историков и философов. Но среди множества книг нет у г-на Гренье истории французского литературного движения, которую он обязан знать. Быть может, г-н Гренье — журналист третьего сорта, еще недавно кинился на задворках, но все равно — что заставило его забыть эпоху крестовых походов, когда было создано замечательное произведение рыцарского эпоса («Песнь о Роланде»? В ней получили живое воплощение много таких событий, которые прямо и не отосланы к эпизоду схватки христиан с мусульманами в Ронсевальском ущелье. К этой поэтической теме очень многими авторами были приурочены события IX, X и XI вв., целой эпохой классовой борьбы.

Гренье по нам своих несогласий с собственными действиями Советского Союза рвали в Французской революции, но забыл от той литературы, которую она вызвала и живил... Нужная Гренье не читал Карлейля. Луи Блана, Мишле, Тьера или Тома? Неужели и здесь, для того чтобы отрицать успехи советской литературы, необходимо было зачеркнуть всю замечательную литературу кратковременной, но бурной эпохи Великой французской революции — памфлеты Мирбо и пламенные статьи Марата в «Друте народа»? И песни Великой французской революции? И во творчество той эпохи, которое потом по-

служило источником для классических произведений поэзии и прозы XIX в.?

Попушение на советскую литературу произведено г-ном Жаном Гренье без той элементарной профессиональной ловкости, которая бывает необходима в таких делах. Неужели же изверг этого рецензента привел только к неадекватному отрицанию роли французской литературы. Плохо стало личче писать французские журналисты!

Успехи нашей молодой советской литературы, рожденной Октябрьем, бесспорны. За 17 лет советскими писателями написаны книги мирового исторического значения. Этими книгами зачитываются трудящиеся всего мира. Их без волнения не могут читать даже наши враги.

Но мы не научились до сих пор хорошо и правильно писать о книгах советских писателей. Мы не научились в частности до сих пор наши критические работы адресовать зарубежному читателю.

Мы все еще только мечтаем о хорошей советской критике, достойной советской художественной литературы, причем эти мечты облекаются в литературную форму чаще всего перед большими правдивыми.

Литературные мотания начинаются старым утверждением: «Мы отстаем».

«Отстаем» — короткое слово, и категория времени отчитывается за нами прежде всего.

Ну, а как обстоит дело с умением? Это уже категория качества. Наше «отставание» зависит не только от пребывания критики в оное советской литературы, но и от нашего умения работать по-новому.

Как много критических статей ищется легкомысленно и безынтересно. Критик пишет статью, но пропустился к шуму внутренней тревоги, а в качестве, он не работает над источниками и над словом.

Так рождается плоская статья, она живет холодно и, рождаясь, тут же умирает «по чужу отъества свету».

Ничто не может продлить ей жизнь — ни курьез, ни разрядка в тексте. Ее проглатывают утром, а к вечеру забывают — и навсегда. Ничто такую статью не вырвет из газеты и не сложит забытые четверо и не спрячет затем, чтобы никто не читал смысла.

Наряду с хорошими, ведущими вперед отдельными работами советских литературоведов и критиков пишущие очень ученые статьи о художественной литературе, но они чаще всего сухи и холодны, они бывают очень общими по содержанию, много места уделяя социологическому анализу и обобщениям и очень мало анализу профессионально-литературоведческому. Есть еще и неадекватный повед этого ставного запонным вида научн-критических работ — статьи неслезочные с уныло-однообразной стилистикой. Они вызывают недоумение и раздражение.

Живет еще на страницах наших журналов и газет речевая — бескритичная и неубедительная. По ней складывают глазами читатели — и огарается равнодушным. И если ее прочитает писатель, он не не переживает. Он не позвонит после этого критику домой в надежде встретиться с ним и поговорить и поспорить о своих ошибках и о своих замыслах.

— Плохо вы пишете, критики, — говорит нам советский писатель, — неубедительно и сухо. — Писатель прав. Но мы никогда не должны соглашаться с логикой и вредным мнением, что критик — это неудавшийся писатель».

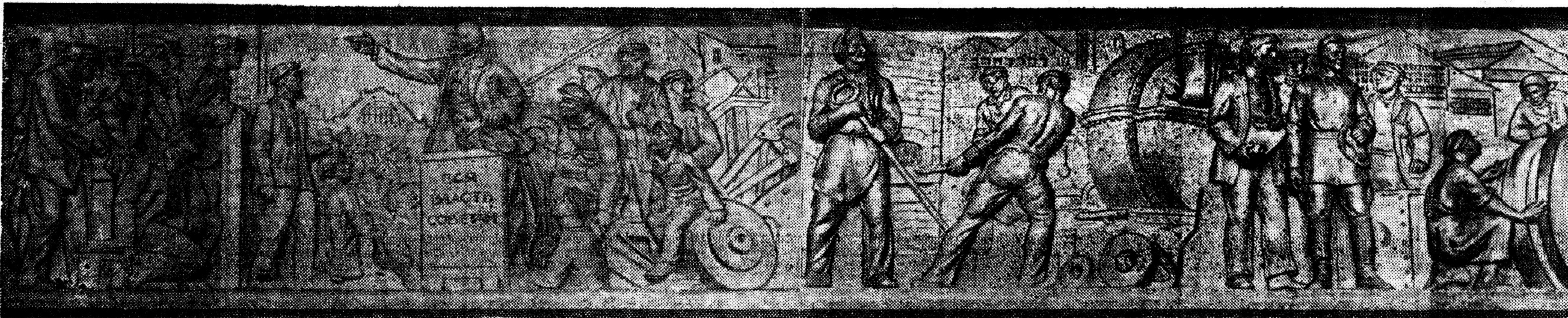
Нет, критик, — это прежде всего писатель.

«А все-таки скучно вы пишете, друзья», — раздается все тот же голос.

И я огладеюсь с писателем, и мне стало грустно... но здесь меня робко поддержал другой голос, он доносился до меня из глубины XVIII в., и это

«ПРЫЖОК» худ. А. Дейнека.

П Е И З А Ж

ров, пародийных шулеров, акцизных чиновников и петушьях генералов. Никто не имел права так грубо шутить над пейзажем нашей страны, носившим тысячи черт нового времени.

Чувство природы, резкое ощущение пейзажа приходит к писателям и художникам обычно в зрелом возрасте. Появление социалистического пейзажа в наши дни в работах отдельных писателей и художников (хотя бы в замечательных работах художника Бориса Яковлева) говорит о новой высокой ступени, которой достигла культура социализма.

Места перемены свое содержание. Хотя бы Боктебаль из «Страны могил, молитв и медитаций» Максимилиана Володина превратился в страну парителей-планеристов, носившихся перед фронтом грозовых облаков над морем и Карагагом. Может быть, от приложа там остались «медитации», но не прежние размышления о мифах Эллалды, а новые — хотя бы о том, как собирать в сухих горах Брыма почтовую росу — ее там выпадают очень много — и орошать ею сады и приморские города. Это интересные туманные мифы.

Древняя выгоская расколочившая сторона полна эпопей Беломорского канала.

И так всюду. Можно брать наугад любое место на карте СССР и раскрывать его новое, удивительное содержание. Раскрывать страну, как распускают по ветру шумящий и

Сергей ВАСИЛЬЕВ

Гармонист

Октябрьский праздник, он придет опять!

По первому по солнечному взмаху Наденьте ты широкую рубашку И выйдешь в утро красное до пяди. Ты встанешь во главе. Под самые знамена.

Немного угловатый и большой. И, может быть, чихнешь во здравье всей колонны.

И это выйдет очень хорошо. Ты развернешь гармонь. Ударит ветер справа — Подобный ветер ты почувствуешь впервой.

Он будет дуть от Пресненской заставы.

А пахнуть будет силой полевой. И запойт, как сотня птиц, пады. Как учащенные сердечные удары. Про наши пашни,

Про комбайны,

Про сады,

Про зрелость юнойши,

Про счастье самых старых.

И за тобой, в конце второго ряда, Поидет, едва отидывая бровь, Твоя девушка из садовой бригады —

Оксанна Басова — твоя любовь.

И песня за гармоникой потянется не зря —

По всей земле она прокатит грави, Который мы, поэты, Инженеры, слесари,

Как самой современной, присагаем!

Сергей Третьяков

Д р у з ь я

Они движутся страной, как испанским университетом, переходя из города в город, как из класса в класс, меняя индустриальные факультеты Харькова и Баку на зеленые лаборатории Кабарды и Алжаристана.

Их восемь. В окнах вагона пролетает страна.

Круглолицый внимательный Пшыве неотривен от окна, начиная с самой Москвы. И только что рассказывал ему о старинной своей заботе — написать маршрутку-путеводитель, который бы рассказывал пассажиру поезда о том, что он видит в окошко. Пшыве всхликивает замыслом и уже отсерегает:

— Смотри, когда поедешь делать эту книгу, возьми меня с собой. Пшыве большой вежливый. Его интеллект и металлические шатры передних пистера, и штабеля цитот от снежных заносов и то, кем посажена защитная полоса деревьев вдоль дороги, и что это за посев вон там в отдалении отменяют красноватый цетом среди прочих квадратов и како-го завода трубы мякнутаи влази, и куда идет только что промелькнувший на платформе встречного поезда дикая кама, и как работает МТС, чьи трактора, ботки с боняни и мастерские, похожие на барак, показались сейчас. Удивительная зоркость на инвентарь у этого человека протрагивает мореходной биографии.

Само куче его уже превращено в каюту, вещи прибранны и распределены. К стене приколота карта и маршрут поездки.

— Майн Фрийд Серноша, — слышу коридором баварский акцент Оскара-Мария Графа. Он кончил возню с чемоданами и вымывает в купе крошечный, толстый и потный, в перекрестках черная плечи коммандант подтяжки (они скорее нолотит на голую грудь битва) своих баварских коммандантов. Он оспаривает, что Юнну Поляну прожмем ночью. Его мало интересует то, за кем следит Пшыве. Ему чудны вещи, его интересуют люди. Для него первая остановка на этой неизвестной дороге то место, на котором возникла тень старика Толстого. Граф хорошо знает нашу литературу. Он многое перенимал у Лескова, любил Аксакова, знает Герцена, Толстого, Тургенева. Пушкина, знает, пожалуй, лучше чем рядовой советский писатель.

Именно это знание дает ему возможность написать мне прозаический уже по окончании поездки, поразивший необычайному удорому, почти детскому оптимизму, которым пронизана наша страна:

«Кто, подобно мне, несколько знаком с дореволюционной русской литературой, тот сможет сильнее пережить переучивающее мной, чем тот, кто этой литературы не знает. Ведь это же, милые друзья, почти невероятный путь от Обломова и активисту-ударнику. Что за путь, что за метаморфоза, что за коренное преобразование самого русского нутра!»

Составьте только глгобо, проиравшегося, меланхолично-сомневающегося человека названного врача с тем врачом, которого я встретил в Лыдиши. Или сравните бедного, пишущего сентиментальности пророщенного и психически и физически колхозника с мужчиной а па Толстой или Лесков».

Вспоминаю, как выговаривал Графу один из восьми австрийский писатель Эрнштейн за то, что он не занимается наблюдаемого в записку книжку.

Граф закатывался фальстафовским смехом, был себя по голый комелек до красноты и гремел:

— Мой дорогой мизантроп (притом он пародировал запись в блокнот,

В Баку она сказала: — Испанцы не вылетят Баку, но они его знают: в каждом дышани автомобля, бегущего дорогами Испания, есть частца Баку.

А в Кабарде: — Я видела урожай ваших полей. Желаю стране такого же урожая на замечательных людях.

И пионерам в крымском санатории: — Детшкам испанских рабочих плохо, но отныне бьются, чтобы отбить им такие же прекрасные дворцы для отдыха, какие есть у вас.

И писателю после каждой ее речи гудя откровенных приветных одобрений, над которыми плавают жирный голос Оскара-Мария Графа: — Магиддиго!

— такое же единственное его слово по-испански, как «спасибо» по-русски.

Но долго восхищаться Граф не может: он должен гнуть кого-нибудь. Он берет за Аламу Шарера, являющегося из «окоша», как Шарар, пролезнавшего много времени на фронте, называет свое куче.

Сиде волосом стоит холмом караду над упряжками лбом Шарера. Нет доксональнее его человека в писательской компании. Он изучает все, что связано с крестьянством, а особенно с немецкими крестьянами, его быт и искику он знает изнутри. Он как из трудной, исподобья глядевшей, мимо его бедошавшей баварской мужицкой семьи. Чувство справедливости, обостренное в нем болезненно, протолкит сквозь все его ищания, выявляясь как от кутяного удара всякий раз, как ему приходится столкнуться с фашистской наглостью и шарапатакстом.

— Наш Адам Аламович, — вымучивает его Граф, — такой убежденный ворочу, что когда ему хочется рассмеяться, он убегае в погреб, чтобы пролеть это наедине.

Адам улыбается. Баварец Адам прощает баварцу Оскару его бурные шутки.

Но, притягиваясь к нахмуренному медовому взгляду Шарера, его манере односторонне выпрашивать что-либо, и начинаю понимать, почему в жизни его книги так ненавистны фашистам. Этот добрый, полонный предостережения до последнего грошка и выишет их все до последней запятой.

И помню, как у кабардинских колхозников сказал он тем же ворчливым тоном: — В вашем коллективном труде растворился национальный антагонизм, и это плохо. Ругаясь, если к вам придет баварский крепкий крестьянин, кичащийся своим умением обрабатывать землю, он окажется протворившим, сравнительно с тем, что знаете вы.

Тихо. После долгого раздумья. Ворчуло. И ни звука, бывшего на effort. Речь летит.

На эффектах у Шарера Графу поживиться кечем. Тут он идет доискать Толлера:

— Лут Эрст! Почему ты проводишь по волосам широким жестом и смотришь на дуну? Ты соизнел все стихи? У тебя делаются лирические глаза.

Закусия закончилась прямой Олиной трубой, отменяется Толлер. Или с Графом старые знакомые еще со времен баварской советской республиканки.

— Кей, пожайлуста! Это же дело. Действительно. Если он — женщина, она интеллектуальная талантливая пары. Она организатор, она релактор «Октябрь», это же арестовывали после первой поездки в СССР.

А говорить она умеет. Так люди со вкусом подбирают букет. В речь короткая и очень запоминаема.

К Н И Г А НА ЗИМОВКЕ

— Книга в Арктике — это прежде всего связь с «большой землей», со своей родиной, со всем миром. Мы, поллярники, дорожим этой связью, — говорит орленосец ГАВРИЛА ГЕРАСИМОВИЧ ПЕТРОВ.

В условиях зимовки, длинной арктической ночи книга скрадывает время, книга помогает жить. Понятно, хорошая книга, — оговаривается Петров. — Восемнадцать месяцев я был начальником полярной станции мыса Шмидта (бывш. Северный). Зимовочники вели очень научные наблюдения, были звери, мы были перегружены работой. Но в свободные часы мы полили по радио «большую землю» и читали книги. У нас было много научных книг. Труды по геологии, гидрологии, метеорологии обязательны для нас. Почетное место мы книжной полке зимовочники занимают словари иностранных языков, политическая литература — Маркс, Ленин, Сталин.

Над этими книгами мы просиживали часами.

Но нас, поллярников, даже самых занятых, тянуло на полновесную художественную книгу. И... здесь нас ждало разочарование.

Таких книг было мало. Писатели, о которых мы думали, писали и читали когда-то в далекой юности, почти все оставило на родине. У нас не было ни разрозненных томики классиков Чернышевского «Что делать?», книжка стихов Некрасова, первый том «Дон-Кихота». И это все.

Пушкин, Лермонтов, Лев Толстой, Гоголь отсутствовали. А в этих писателях была такая большая потребность.

Вывозить в этом книгогорующе организации, транспорт. Когда мы обеспечивали свою будущую зимовку горючим, припасами, иголками, строительным материалом, продуктами, также тщательно были отобраны книги. Несколько акцидов должны были получить к отплытию, но мы, но корабль, не могли являть.

Наши книги где-то застряли в пути. Это не первый случай. Нужно, чтобы на наших грузах стоял значущий, как пароль, штамп: «Арктичносое», чтобы книги с книгами не посыпались малой скоростью.

Мы дорожили случайно захваченными в дом книгиками. Так завывали с нами несколько томов Максимилиана Горького, «Разгром» Фадеева, «Человек в футляре» Пелевина, «Дорога» Фурманова. Но, да, три раза перечитывали мы их. И поглядывали зимовку (двадцать три километра) книги, газеты, журналы.

Использовались всякая возможность — самолеты, собачьи походы. В числе многих предметов, увозимых на другие зимовки, были прочитанные книги. «Товарищам» был самый оживленный. Но среди прочитанных книг, с которыми мы не могли расстаться, была одна книга — «Дон-Кихот». Я не знаю, почему мы не хотели отдавать ее на другие зимовки? Может быть, потому что мы любили и Дон-Кихота и Санчо-Пансо, любили перечитывать отдельные главы? На «большой земле» неупорядоченно пивать на страницах книги, соничать стихи на титульных листах. Но на зимовке заметка, написанная в конце книги, заметка, просто фамилия — это первичная советских поллярников между собой.

Какую книгу мы хотели бы видеть в домике зимовочника? Сказать: «Хорошо» — недостаточно. Прежде всего на все наши полярные точки надо забросить ЛУЧШЕЕ. Это в первую голову — классика иностранная и русская. В истории Арктики запечатлен случай с классиком (томик Пушкина на льдине Шмидта). Об этом так много писали. Нам нужны Пушкин, Гете, Байрон и Некрасов, Гейне и Лермонтов, Тургенев и Бальзак.

Есть такая обычай у зимовочников. Перед уходом на родину подмести под, приготовить запас, оставить порядок в доме, прочитать и выкинуть, перевести книги. Их нельзя, не следует брать с собой. Надо, чтобы от зимовки и зимовке стопка книг увеличилась. Особенно нужны книги таких писателей, как Марк Твен, Зошанно, Ильф и Петров, Чехов, Джером, Генри. Юмор — это такое могущее средство против самого страшного за поллярным кругом — апатии, тоски. Этим книг мы совсем не видели.

На нашей зимовке от жилого дома до служебного здания была протянута толстая веревка, за которую мы держались, чтобы не отступиться, когда выходяли из дому. Это называется ходить «по веревке».

Для зимовочников радио, книга, пожелательный и степоль раз читанный комплект «Правды» — это тоже веревка, связывающая нас с земной «большой землей» мира-Советским союзом.

С нами вывозили чулки. Им также нужна книга. Мы выстроили для них школу. Некоторые из чулков научились читать по-русски.

Мне выпала высокая честь. Я возглавлял чрезвычайную тройку на Чуковке по спасению чепушкинцев.

Эти дни были донельзя заполнены. Единственным, что я тогда читал — сводки правительственной комиссии, но в Петропавловске на Камчатке я набросился на стенограммы XVII съезда партии.

На несколько месяцев Арктика задержала меня. Я спал с Фарихом на острове Врангеля. И только сейчас я имею возможность читать те книги, которые у меня не было на моей зимовке. Но их то и не забуду взять с собой в свою очередную длительную «командировку» в Арктику.

МИХ. КРАС.

И Г Е Р О И

1926—1930. В поисках героя.

Герой, который ждет своего писателя. (Молхозица Смирнова приветствует 1-ый Бессосновный съезд советских писателей).

В ОТКРЫТОМ МОРЕ...

был голос смешного и грустного Василия Третьяковского:

Плыть на окуку Морскую суку, Деревья черной, И анал шутку...

Вот он-то был незаурядным ученым по тем временам, но бравадийным критиком и слабым писателем. Но Третьяковский плохой советчик в таких делах. В свое время он легкомысленно отказывался от мотышек литературных заблуждений.

Однако где же искать то «шутку», которая поможет советской критике? Мечтания начинаются так: вот совет берет на октябрьские торжества т. Бессонов в секции критиков и показывает снова вопрос о необходимости специализации. Тогда же нами начата живая беседа о том, что нельзя порхать по темам, подобно мотылькам, повинуясь капризам редакций и тем настоячим требованиям, которые критика иногда превращает в хроника.

Тогда мы вспомнили, что есть среди нас товарищи, кроме общей критической работы специализирующиеся по отдельным проблемам. Кто занимается Шекспиром? — Шекспиром? Это надо обратиться к Динамову. Вокруг Гоголя давно уже ходит Хранченко, а над Шелдриним хорошо и по-настоящему работает Махашин.

Пора и нам подумать о критическом мужестве и кроме конкретной критики заняться литературоведением, т. е. наукой.

Мы исторически малограмотны, и постоянное лаганье об историческом образовании прошло мимо многих из нас. Многие из молодых советских критиков предпочитают работать над современной советской литературой, и только редкие работают над литературой иностранных.

Еще меньше критика заглядывает в XIX в. — там-то работают преимущественно старые литературоведы. Но XVIII и XVII вв., эпоха феодализма и крепостничества в России, история древней русской литературы стала материалом для особо специальных лингвистических и текстологических работ. Этим занимаются всего лишь несколько ученых, преимущественно академического направления. Поэтому мы не можем, веро и с-

стематически разрабатывать вопросы, относящиеся к советскому историческому роману, критиковать работы наших писателей — исторических романистов. После широкой дискуссии на историческом фронте о феодализме, быть может, необходимо заворо пересмотреть несколько таких романов, которые раньше или позднее и неизменно нам получали неверные критические оценки. До сих пор мы не создали серьезных работ о советском историческом романе. Вокруг него все больше были намотаны нами общие соображения, потерпеливые из Ключевского и недочитанного Покровского, да из Брокгауза и Ефрона. Секция критиков после такого обмена мнениями, конечно, выделит несколько товарищей для работы над русским буржуазным и советским историческим романом.

Многие наши критики не очень образованы, они по странному праву не хотят учиться иностранным языкам.

Трудно после этого требовать от таких критиков широкого охвата тем, общей и литературной эрудиции.

Но мы имеем право мечтать и стремиться к тому, чтобы критика наша скорее создала «книги», полные патристализма в самом высоком, наиболее полном понимании этого слова.

Установится как бы «новый обмен веществ». Все наши ученые, литературоведы, которые никогда не работали как журналисты, будут чаще приходить к конкретной критике. Но она оставят в своих академиях во время строгую стилистику академическую работу. Для них создано много таких жанров, в которых также и они должны пробовать свои силы. И в самом преждевременном из этих жанров, в философском и литературном опыте.

Вспоминаю, как буржуазные писатели и ученые занимались конкретной критикой — перечитывали отдал Друзьянина, Ключевского, Кизеваттера, Андрея Белого, французских и английских эссеистов и вы поймете, что можно и чего нельзя заниматься у этих мастеров слова.

Критики же наши, отдавая должное теории, будут воспринимать забытые и заброшенные жанры литературно-критического фельетона, письма, портрета, диалога.

Должны, должны, должны! Эти мои

слова начинают звучать как назойливое бормотание догматика, а мне как будто подлагало написать мечтательную статью в октябрьский номер «Литературной газеты».

Но сейчас не времена Гете, Лескова и Геттингена. Мечты рождаются фактами, и мы должны иногда вспоминать о господях Жане Гренье, и как кажающихся представление о художественной литературе социалистического общества.

Наши зарубежные друзья, которых становится все больше, настойчиво просят почаще присылать им наряду с советской художественной литературой и наши критические работы на темы, волнующие лучших представителей западноевропейской и американской интеллигенции. Там хотят знать из первоисточника, что такое метод социалистического реализма, что такое наша детская литература и почему исторический роман Толстого и Тютчева отличается от исторических романов буржуазных писателей.

Мечты об улучшении нашей критической работы не беспредметны. Мы имеем право так мечтать. Мечты наши выполняемы, и советская критика, несмотря на ее недостатки, которые мы сами отмечаем, растет, она становится все более вооруженной.

По мере того как мы будем повышать качество критических работ, все более будут туснеть и расссыпаться в прах враждебные домыслы и фальшивые, повсюду слышимые аналогии буржуазных писателей. Они уже теперь, для того чтобы снизить революционное и интернациональное значение советской литературы, вынуждены отшатываться от тех замечательных произведений, которые создавались у них же на родине. Жан Гренье, покоривший великую «Песнь о Роланде» — тому живой свидетель.

Ведный Жан Гренье! Он как жалкий карлик стоит на вымирающем пустынном берегу острова и в бесильной злобе прозат кулаками уходящему вальс кораблю. Мы переживаем и создаем эпоху нового Возрождения, и в советскую литературу также вошел веселый великий Пятролюб.

Заря нового Возрождения пылает на горизонте, корабль наш плывет в открытое море, и Октябрьский ветер взлохматывает его паруса.

мелко-мелко напаранывав ночью на левой ладони). Твои цифирочки тебе не помогут, ты все равно ничего не слышишь кругом — ты же, боясь гриппа, заткнул себе уши ватой. Ты — депрессионист.

Депрессионист — это по рассказам само Орешетина — ироническое прозвище, данное ему в те времена, когда он был одним из лидеров немецкого экспрессионизма. Потом он перешел на переводы древних китайских погов, на переводческие средневековые китайских романов, и слава литературного китаело-бо держится за Орешетина прочно до сих пор.

Граф — знатный выдра. Вот уже он вылез в перелет Пшыве:

— Морф? Терпеть не могу этого твоего моря! (Нужно сказать, что у нас, в Союзе, Граф в первый раз перешел на морское пароходе, и впервые летал на самолете). Что такое море? Путания воли и ижаконо жельва — немного рыб и еще меньше птиц. А смотри-на сила!

И он начинает смаковать пейзаж в окне вагона.

Пшыве берет уголь и бумагу, и черной доской являет портрет Графа, и его чудовишной ширины, подбавы плащом мельничьего батрака, высеиваются в вагонном коридоре.

Впрочем, рядом с этим портретом, соревнуясь, вскоре выветиваются другой, тоже изобретенный Графа.

Этот второй рисунок ролом из Испания. А Испания помещается в купе рядом с Пшыве.

Автор портрета — поэт Рафаэль Альберти. У него своеобразные рисунки, как будто вылетанные морского черном вяткой на белом листе. Откуда у него это художество? Может быть, от предка того Ваткота Альберти, который обучал Мишель Акилло и строил дворцы и соборы?

И Рафаэль и жена его, писательница Мария-Тереза Леон, это испанцы, чей облик никак не угадывается в воображении, воссозданном на черно-огненных стандартах на «Кармеле». Начать хотя бы с того, что оба светловолосы.

Эта пара — живой литературный колхоз. Часто стучит машинка, 20 очерков написано было ими с начала «сеза». Немцы молча отступают перед такой плодовитостью.

Но чаще в Испании не машинка, а пенни. И немезный партнер в этом пении, Пшыве, который восстанавливает свой испанский язык, подбавы из вранжонных вулканоморфных скитаний. Они хором поют творческую песь:

Рима,
Звезда Рома...

которая кончается вздохом и шелестом ноггами. Так арестанты дают выдох.

А затем Мария-Тереза поет едва, поет колыбельные, поет крестьянские, поет пастушеские.

Песьня смелает стих. Пшыве читает своих «Кочегаров» из поэмы «Скагерак», угрожающе и наярание, а за ним декламирует Рафаэль, и стихи его такие самозвонные, что их и переводить даже, говорить, нельзя.

Но зато испанские крестьяне анали стихов хорошо, он их читает на деревенских площаях, и фольклор переловывается в их строках.

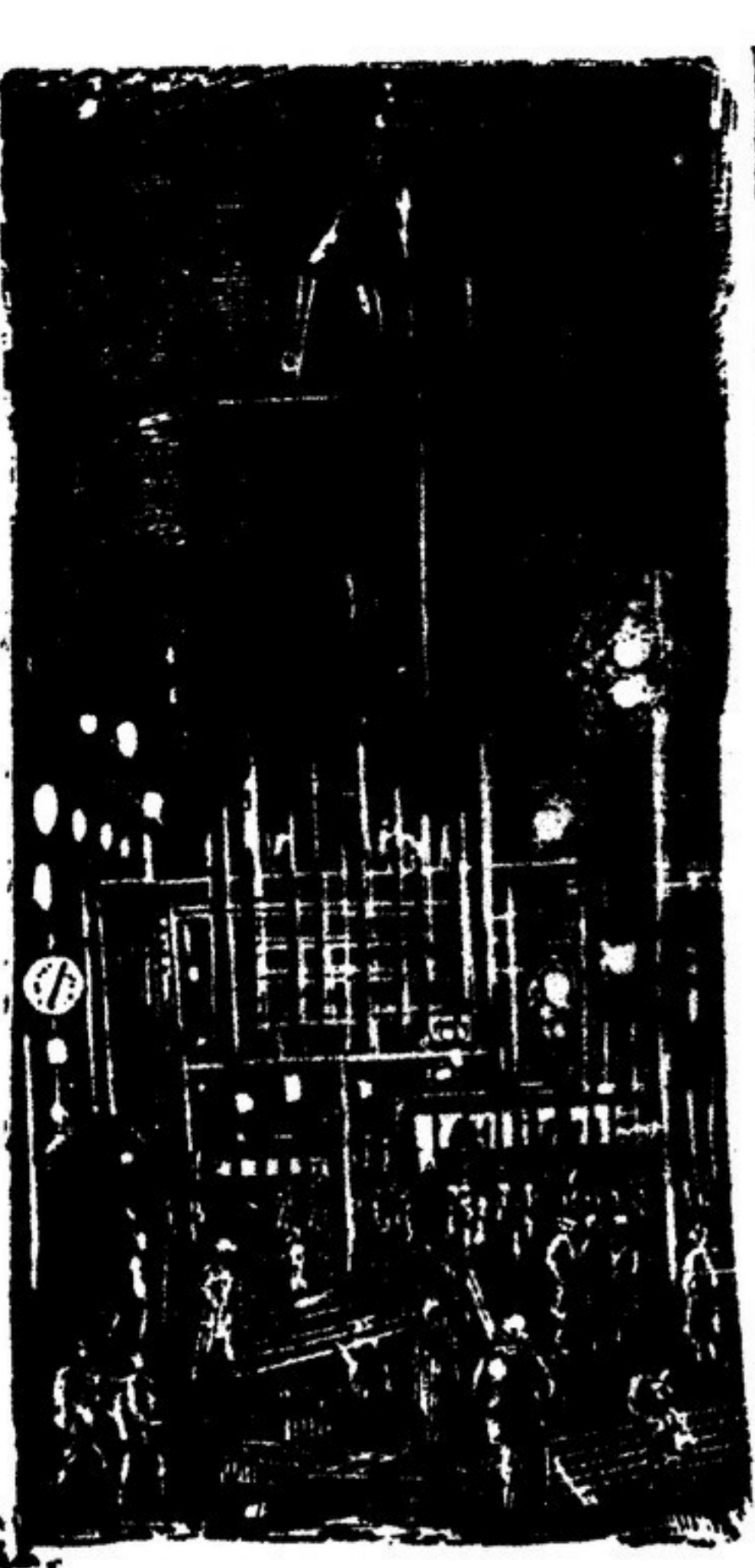
Стихи он может читать без конца, попробуйте попросить его сказать речь, он разлетет ругками и перерзывает смех и Марию-Терезу.

— Кей, пожайлуста! Это же дело. Действительно. Если он — женщина, она интеллектуальная талантливая пары. Она организатор, она релактор «Октябрь», это же арестовывали после первой поездки в СССР.

А говорить она умеет. Так люди со вкусом подбирают букет. В речь короткая и очень запоминаема.

«СТРЕЛНИ». Худ. Ф. Шурпин.

Подготовка к октябрьским торжествам в Москве. Фасад здания Антирелигиозного музея. Рис. худ. Е. ФУРМАНА.

По Советскому Союзу

ОКТАБРЬСКИЕ БИБЛИОТЕКИ КРЫМГИЗА

СИМФЕРОПОЛЬ (наш корр.). Крымские библиотеки к октябрьским дням библиотеки (стоимостью от 5 до 25 руб.) для подарков ударникам. Библиотеки комплектуются на литературы на русском, татарском, греческом, немецком, еврейском и армянском языках и расширяются в национальных районах Крыма.

ВЫСТАВКА ХУДОЖНИКОВ КИРГИЗИИ

ФРУНЗЕ (наш корр.). В октябрьские дни во Фрунзе открывается выставка живописцев Киргизии. На выставке будет представлено около 200 живописных и графических работ. На выставке будут представлены лучшие образцы народного декоративно-бытового искусства (ковры, кошмы и т. д.). Московский музей восточных культур предполагает перебраться выставку после ее окончания в Москву.

НОВЫЕ ОКРУЖНОГО ТЕАТРА КРАСНОЙ АРМИИ СМОЛЕНСК (наш корр.).

К октябрьским торжествам приурочено начало работы вновь организованного театра Красной армии Белорусского военного округа. В составе театра две группы: драматическая и концертно-эстрадная. Театр открывает сезон спектаклем «Жизнь воет» в постановке художественного руководителя театра Гнедича Н. Г.

400 ПЕСЕН И 3000 НОВЫХ ТЕРМИНОВ

НОШКАР-ОЛА (наш корр.). Марриксский научно-исследовательский институт совместно с комитетом языка и письменности (ЦИНА) при президиуме ЦИК СССР организовал летнюю языковую экспедицию. Экспедиция изучала язык рабочих-марриксцев и язык колхозников Нюшкар-Ола, Сервурского, Мари-Турекского, Звездовского, Горно-Марриксского, Уржумского и Яранского районов Горьковского края. Собранный материал по истории революционного движения обрали мари и богатый фольклорный материал (400 песен, записано на фонограмм около 150 музыкальных номеров, записаны сказки и др.). Экспедиция обнаружено 22 говора и диалекта. Записано 3000 новых терминов.

НОВЫЕ ТЕАТРЫ В АРМЕНИИ

ТИФИЛИС (наш корр.). В текущем году в Армении организованы 6 современных колхозных театров в Камарлю, Дилжагане, Степанавале, Шехрах и Вагарапанате. Кроме того открылись два стационарных рабочих театра в Аллахвердах и Кафане. Для камарлюнского и аллахвердского театров построено к строительству новых больших зданий.

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ НА ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ

ТИФИЛИС (наш корр.). Редакция журнала «Маятник» подготавливает к изданию «Сборник современной русской поэзии» на грузинском языке в переводах лучших современных грузинских поэтов. В сборник будут включены лучшие образцы поэтического творчества, начиная с Блока и Брюсова и кончая произведениями современных поэтов. Редактирует сборник поэт Симен Чинкваши и Тимчаи Табидзе. Общая редакция — Г. Куруллов.

ОКТАБРЬСКАЯ МОСКВА МУЗЕИ

В Музее Маркса и Энгельса открылся «Десять лет без Ленина» популярная выставка о XVII партсезоне и о второй пятилетке. В Музее Красной армии к октябрьским дням открылся отдел «Октябрь». Выставлена приобретенная музеем картина ленинградского художника В. Саваро «Военно-революционный штаб Петрограда в октябрьские дни». В Столешниковом переулке музей выставит в двух витринах картины отдельных живописцев гражданской войны и плакаты 1919-21 гг. Темы экспозиции: «Октябрь в Москве и Петрополе» и «Красная армия на защите Октября».

БИБЛИОТЕКИ

Библиотека им. Ленина открывает в ноябре выставку «Советский Китай», иллюстрированную диаграммами, картами, фото и т. д. с библиографией, содержащей до 500 названий. Центральная библиотека иностранной литературы открывает с ноября выставку в помощь изучающим иностранные языки. Интересен отдел «Как Ленин учил иностранные языки». Ряд библиотек провел в предоктябрьские дни групповые консультации с читателями на темы «Значение Октября», «Ленин и Сталин в октябрьские дни», «Социалистическое строительство» и т. д. В библиотеках и передвижных пунктах выданы специальные номера стенных газет, организованы тематические выставки, проведены экскурсии неорганизованных читателей в Музей революции, Музей Маркса и Энгельса и т. д.

Колхозники учатся петь

Центральный дом самодеятельного искусства им. Крупской организует в Венковском районе (Московская область) курсы по подготовке руководителей для хороших колхозных кружков. Бригада, уже выехавшая на четыре с половиной месяца в район, должна создать в колхозах и совхозах не менее 20 хороших кружков. Наиболее способные певцы будут отобраны для учебы на полторамесячных районных курсах кружководов. Здесь они пройдут теоретическую и практическую подготовку. Кроме того бригада должна обучить нотной грамоте до 350 колхозников. (Рост).

ПИСЬМО В БУДУЩЕЕ

МИХ. ЛЕВИДОВ

Былые злые песни
Про тамбуле судбу
Давайте похороним
В большом, большом
Гробу.
Гейне.

1
Гейне вы будете читать, мой неизвестный адресат. Мы его еще читаем, хотя мы ближе к вам, мой неизвестный адресат, человеку из будущего, чем к нему. Ближе к вам, — по еще так звонят в наших ушах настойчиво и властно «былые злые песни» о темной злой судьбе человека.

И я обращаюсь к вам, мой случайный, мой неизвестный, мой далекий адресат, с вопросом, на который, знаю, никак мне не получить ответа, какие же песни будут петься в вас в том прекрасном, сверкающем мире, что мы зовем. Я не получу ответа; но, фантазируя я: быть может, когда-то, через многолетнее количество лет, вы, случайно очутившись в архиве ли, в музее ли, библиотеке ли былых времен, склонитесь над комплектом желтых-желтых, едва не выветрившихся газет, натолкнетесь на эти наивные строки и улыбнетесь слегка и я удовлетворен. И потому я вам пишу, мой неизвестный адресат: в будущее.

2
А наши песни? Как их оцените вы? Мы не склонны их признать — мы ими горди. Но поверьте — никто как мы знаем, как короток веком, хоть и длинный протяжением вплоть до трехтомных романов — они.

3
Перед тобой, небесный поэт, мы жалкие червяки. — воспевай тот же Гейне в величико-пугачевском своем стихе «Песнь песней». Перед «обом», «сотоварищем «песнь песней» — женское тело, — чувствуй себя жалким червяком великий поэт. Что я скажу там, — а среди нас нет еще Гейне! Что я скажу там, участником и свидетелем этих смелых попыток голубицы? Каждая голубица — глава, и все вместе такая книга. — что перед ней наши книги, романы и повести, песни и поэмы! «Поэт», написавший эту смелую попытку пока книгу и пишущий дальше — все сильнее, все увлекательнее, все грациознее и звучнее, — какие же мы перед ним жалкие червяки! Это мы знаем четко и твердо, мой неизвестный адресат!

4
И знаем еще, молчаливый мой собеседник. Знаем, как возникли все наши белы, белы наших книг. Оттого они возникли, что мы спешим, но мы должны спешить; что мы жалки, но мы должны быть жалки. А как же иначе спокон веку и существу времени его форму и облик? Стремиться показать мы должны. Пропло этого требует от нас, так недавно и столь далекого. Разве не слышим мы настоящие и насмешливые голоса из прошлого: мы умели, хотя нам было гораздо труднее, вы, нынешние пух-ка! И требует этого настоящие: стоит в молчаливом ожидании сорокамилионный читатель, и мало ему читать «былые, злые песни про темную судьбу». Но больше всего, властью всего требует это от нас будущее — вы, мой неизвестный адресат. И слышу я из будущего ваш несколько проницательный вопрос: очевидно, очень трудно было вам, современным, быть хоть немного вровень с вашей современностью.

5
Но ирония оставьте, человек из будущего. Ибо знаете вы, не хуже нас знаете: тем, на иронично — Шекспир, Вальзаку, Толстому, Гейне — великим авторам «былых, злых песен» жить было труднее, но писать было легче.

6
И что я поддельной болью считал, То боль оказалась живой. О, боже! Я раненый на смерть играл, Гладиатора смерть представляла. Но в этом все дело! Живой боли мало у нас. И так часто та, что мы считаем живой, читателю кажется поддельной.

7
Вот среди нас сознательные поддельники поддельной боли, фальшивых эмоций, тускло-лижных проблем; коллекционеры слог, двойные выходы. Но не о них наша беседа, не правда ли... Только о тех из нас, кто пишет

НОВАЯ ПЬЕСА А. КОРНЕЙЧУКА В МХАТ им. ГОРЬКОГО

МХАТ СССР им. Горького включен в репертуарный план новой пьесы украинского драматурга А. Корнейчука «Платон Кречет» (перевод И. Крути).

Премьера «Платона Кречета» предполагается в апреле-мае 1935 г.

В беседе с нашим сотрудником А. Корнейчук поделился мыслями о своей пьесе:

— Меня как художника очень волнует проблема страстоферы. Но пропону не понимать меня слишком буквально. В моей пьесе о страстофере не говорится ни слова. Среди моих героев нет детиков, нет страстофер. В «Платоне Кречете» действуют самые обыкновенные люди — врачи, архитекторы, исполкомовики и т. п., живущие и работающие в одном из так называемых «провинциальных» городов. Но у них — своя «страстофера» в границах своей работы, своего призвания они стремятся достигнуть предельной высоты, предельного совершенства.

Я хочу показать новое качество взаимоотношений этих людей, показать благородство двигающих ими стимулов. Их — 14 чел. Они не другоставлены механически друг другу как выраженные того или иного начала. У каждого из них — своя судьба, каждый из них идет своей дорогой, но все вместе они мне показывают тот неповторимый мир товарищеского сотрудничества, сотрудничества с человеком не свойственным «героическим жестом». Я в корне не согласен с этим положением и поставил себе задачей показать средствами искусства, что наши люди — люди изумительной психики и больших жестов, но опять-таки качественно иных, отличных от жестов старых персонажей.

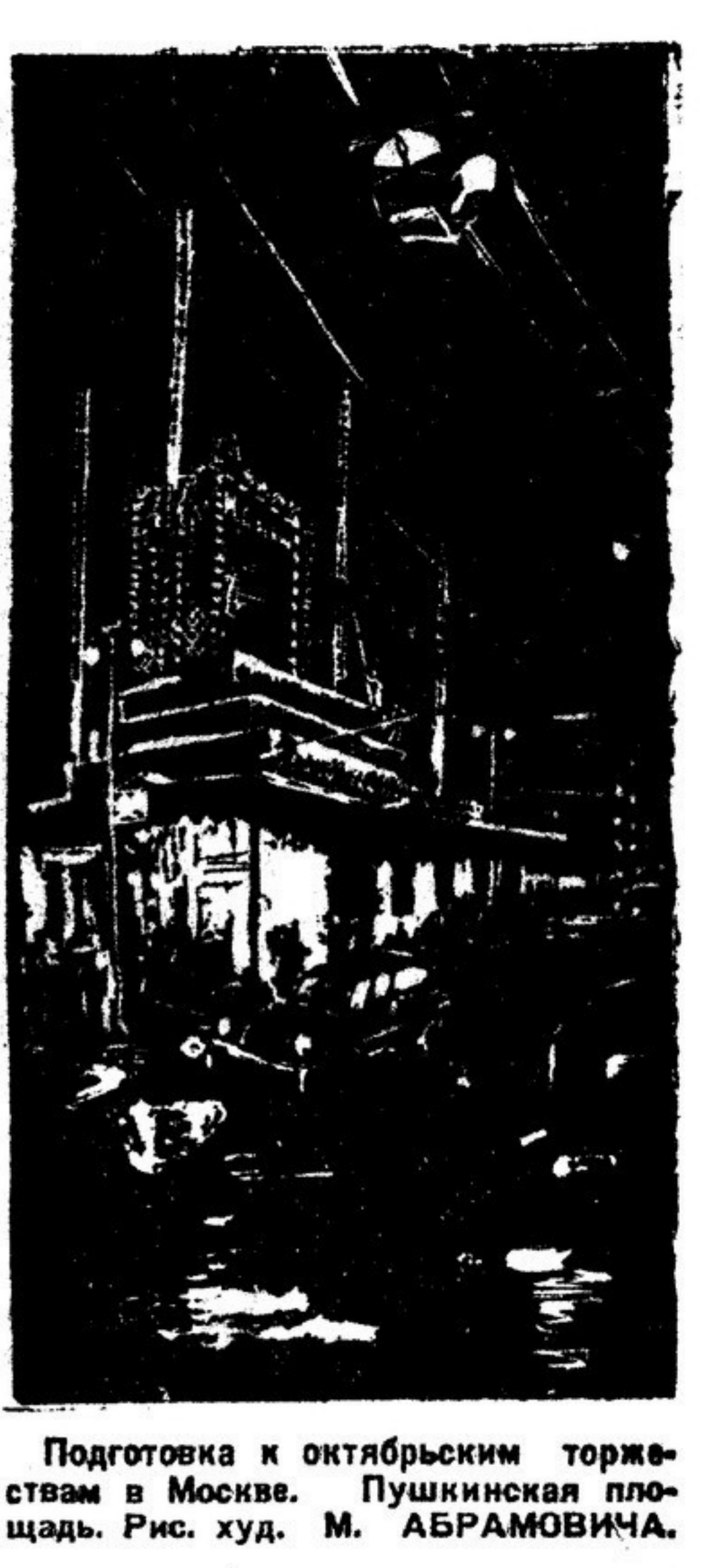
Я не делал ставку на внешнюю действенность пьесы. Меня больше волновала проблема внутреннего раскрытия образа, скрытого драматизма. Я хочу, чтобы зритель, когда занавес поднимается, почувствовал, что у моих героев есть богатое, волнующее прошлое, и чтобы он понял, что после окончания пьесы жизнь, развитие и борьба этих людей продолжается, чтобы он, этот зритель, представил себе дальнейший путь моих героев и не относился к нему безразлично.

В пьесе вместе 7 женских ролей. Должен, однако, подчеркнуть, что я не искусственно пошел к этому вопросу, не искал из того, чтобы во что бы то ни стало ввести такое количество женских ролей в пьесу. Само движение материала подсказало мне эту необходимость. Роль эти отнюдь не эпизодические, а довольно — ну как бы выразиться — солидные, значительные.

Я счастлив тем обстоятельством, что на мою долю выпало явиться первым украинским драматургом, которому суждено увидеть свою пьесу на сцене МХАТ СССР им. Горького. Факт включения «Платона Кречета» в репертуар МХАТ есть на мой взгляд, новый удар по разобщенным путям контрреволюционным надклассовым элементам, стремившимся забыть, или, по крайней мере, отстранить от русской культуры украинскую и украинскую культуру.

Лицно для себя я считаю встречу с МХАТ одним из значительнейших моментов в моей жизни. Уже первая встреча с В. И. Немировичем-Данченко дала мне не только много радости, но и обогатил творчески. Никогда не забуду ту теплоту, с которой меня встретили руководящие работники театра.

ДЕЛЬМАН.

Подготовка к октябрьским торжествам в Москве. Пушкинская площадь. Рис. худ. М. АБРАМОВИЧА.

РАДИОВЕЧЕР ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ СССР

Прелюбие Союза советских писателей СССР совместно с литературной редакцией Всесоюзного радиокomiteта проводит 6 ноября, в 10 час. веч., радиовечер литературы народов СССР, посвященный XVII годовщине Октябрьской революции.

В литературном вечере примут участие: А. СЕРАФИМОВИЧ, БРУНО ЯСЕНСКИЙ, В. ВИШНЕВСКИЙ, И. СЕЛЬЯНСКИЙ, ПЕРЕЦ МАРИНИ (Москва), А. ТОЛСТОЙ, К. ФЕДИН, А. ПРОКОФЬЕВ (Ленинград), И. МИКИТЕНКО, ПЕТРО ПАЧ, П. ТЫЧЕНА, И. ФЕФЕР (Киев), А. АЛЕКСАНДРОВИЧ, И. ХАРИК (Минск), ПАОЛО ЯЩИЛИ, САНДРО ЗУЛИ, М. ДЖА. ВАХИШВИЛИ, АЗАТ ВШТУНИ, МИРИ ЗАРЯН, БЕРЕНИ ДЕМИР-ЧАН, МИХАИЛ МУШКИН, САБИТ РАХМАН (трансляция через Тифлис).

В СЕКЦИИ КРИТИКОВ

3 ноября в секции критиков Союза советских писателей состоялось заседание бюро секции критиков и литературоведов, на котором председателем бюро был избран И. М. Розенпалов, его заместителем — М. Розенталь.

На заседании бюро был рассмотрен план работы секции, намечен ряд тем основной работы секции будет работа над созданием истории русской литературы XVIII и XIX вв.

Установлены desiderata членов бюро секции — на первое заседание бюро от 7 до 9 ч. веч. в ЦСП СССР (секретариат Правления).

ИЗВЕЩЕНИЕ

6-го ноября в 8 час. 30 мин. вечера в доме Советского писателя (ул. Воронцово, 50) состоится торжественное заседание, посвященное XVII годовщине Октябрьской революции. Вход по приглашению билета. ОКТАБРЬСКАЯ КОМИССИЯ ЦСП.

Президиум всесоюзного совещания архитекторов.

ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ АРХИТЕКТОРОВ

В конференц-зале московского Дома архитектора открылось 4 ноября первое всесоюзное совещание советских архитекторов, посвященное вопросам подготовки к создаваемому в начале 1935 г. всесоюзному съезду советских архитекторов.

В президиуме — крупнейшие представители советской архитектуры: академик Шусев, В. А. Веснина, К. С. Алабин (Москва), Ленинградцы — Харин, Исусов и Нильский, украинцы — Мамонтов и Алешин, Новар (Армения), Иваношвили (Грузия), Мамедов (Азербайджан), Дюбровский (Урал), Митль (Вост. Сибирь).

Совещание открылось вступительной речью проф. В. А. Веснина, особое внимание было уделено вопросам подготовки к создаваемому в начале 1935 г. всесоюзному съезду советских архитекторов.

В. А. Веснина подчеркнул, что советские архитекторы четко осознают ответственность возложенную на них задач и чувствуют настоятельную необходимость созыва всесоюзного съезда для обсуждения основных вопросов. Но эффективность съезда будет прежде всего зависеть от качества подготовки к нему, поэтому советским архитекторам предстоит тщательно обсудить на предстоящем совещании программу работ съезда и провести затем серьезную подготовительную работу на местах.

Выступивший затем с докладом арх. М. С. Алабин ознакомил делегатов совещания с проектом повестки дня предстоящего съезда. Основные пункты повестки — доклад о задачах советской архитектуры, об архитектуре советных республик, об архитектурном образовании, о типах и строительстве жилых домов, общественных сооружений, промышленных зданий, о планировке городов и жилищной деревни, о строительной технике, организации проектного дела, о зарубежной архитектуре и, наконец, об уставе Союза советских архитекторов. Этому проекту программы съезда был представлен доклад Д. Алабина и ряд принципиальных положений, характеризующих основные тенденции советского архитектурного творчества. Докладчик подчеркнул, в частности, что, создавая новую социалистическую архитектуру, советские должны не только творчески и самостоятельно решать задачи, но и не ставить своей задачей подражание классическим образцам: речь идет об освоении классического архитектурного мастерства для создания новой архитектуры, соответствующей новой эпохе.

Предложенная докладчиком программа съезда вызвала оживленный обмен мнениями. Внося те или иные предложения и поправки к проекту, делегаты всесоюзного совещания — академик Шусев, проф. Гинзбург (Москва), архитекторы Алешин (Украина), Хомуцкий (Ленинград), Хаустов (Украина), Федоров (Татреспублика), Холостенко (Украина), Колотов (Азербайджан), спутник Юковлев (Москва) и др. затронули и ряд острых творческих вопросов.

Взвешав на совещании заслушаны сообщения о ходе председательской подготовки на местах и начато обсуждение докладов коммисии и бригад, образованных Московским союзом архитекторов для разработки вопросов повестки дня предстоящего съезда.

С большим подъемом встречены были приветствие от Союза художников и выступления колхозников-ударников.

В зале присутствует известный французский архитектор Андре Люрса. Сегодня продолжается обсуждение бригадных докладов. ДЕНА.

ПОЧТИ ДИАГРАММА

Рис. Л. Бродаты

1. Невогда автор приходил в редакцию, не слишком заполняя комматную кубатуру.

2. Автор «Золотого тележка» был уже в этом отношении не в пример требовательней.

3. Автор «Беломорстрой» наводил уже легкую панику.

4. И если бы, наконец, автор «Ист ории заводов» вздумал появиться в редакции, то в районе таковой, возможно, пришлось бы приостановить уличное движение.

По страницам газет

«КРАСНАЯ ЗВЕЗДА» помещает многочисленные корреспонденции в разделе «Бойцы и командиры готовят радостную встречу великому октябрьскому празднику». Среди них находим интересное сообщение о той воспитательной работе, которая идет в нашей армии не только с бойцами, но и с жителями их семей:

«Академик им. Фрунзе поставил задачей предоставить возможность самым талантливым получить квалификацию, сделать из них инициальных, сознательных строителей социалистического общества.

В музыкальном техникуме жены слушателей обучаются пению, игре на рояли, скрилке. Техникум выпускает инструментально-предодевателей музыкально-вокального дела. Физикона выпускает женщин-инструкторов по физической подготовке в семилетке и девятилетке. Открыт медтехникум, работает школа РО НК.

Художественно-зрелищные курсы при академии им. Фрунзе выпускают миссионеров, красармейской самодеятельности, курсов иностранных языков — переводчиков и преподавателей.

Всеми этими видами учебы охвачено 90 процентов жен слушателей».

«ПРОЛЕТАРИЙ» (Харьков) в отделе «За 12 лет» подводит итоги побед, одержанных трудящимися Украины за годы революции. В статье «Штаб культуры» газета рассказывает о рядовом украинском селе Богомоловке, которое называется теперь Червонозонамелюк.

«Новые слова, новые понятия пришли в колхозное село. «Стандина», «лаборатория», «вселенная», «динамо» — вряд ли старая деревенская Богомоловка хотя бы понаслышке знала эти сугубо городские слова.

Два дома коллективиста, где регулярно демонстрируются кинокартины, ставятся пьесы колхозным драмкружком, баня, школа-семилетка, радио — вот могучие штрихи культуры, завоевываемой Червонозонамелюку.

Если в старой Богомоловке с ее церковно-приходской и земской школами было только четыре учителя, то их сейчас 12. Помимо школы-семилетки — в Червонозонамелюке имеются еще 2 комсомольские школы повышенного типа, школа колхозного актива, две партшколы — в них участь 157 чел.

Цветет Червонозонамелюка. Первые боры советов и великий праздник